

Анатолий Мерзлов

СВРЕМЕННОСТИ
И КЛАССИКИ

России ивовая ржавь

Современники и классики

Анатолий Мерзлов
России ивовая ржавь

«ИП Березина Г.Н.»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

Мерзлов А. А.

России ивовая ржавь / А. А. Мерзлов — «ИП Березина Г.Н.»,
2016 — (Современники и классики)

ISBN 978-5-906829-81-8

В новый сборник Анатолия Мерзлова вошли рассказы, написанные сегодня, но затрагивающие значительный пласт противоречивой истории страны, представляющие собой размышления о том, что является частью жизни, – о любви, о влюбленности, о настоящей дружбе, о предательстве. Здесь разговор о пошлости жизни содержанки сменяется непреходящей памятью о погибшем в бою друге, беседы случайных попутчиков в поезде – рассказом о тяжелой судьбе девушки Груни, ее любовь, ее история не оставляют равнодушным героя, и он находит свидетеля героизма Груни. Просто, незамысловато, искренне ведет разговор с читателем автор.

УДК 821.161.1
ББК 84(2 Рос=Рус)6

ISBN 978-5-906829-81-8

© Мерзлов А. А., 2016
© ИП Березина Г.Н., 2016

Содержание

Танюша – милый идеал	7
Гадкий утенок	11
Часть 1	11
Часть 2	17
Сомалийский индивид	20
Часть 1	21
Часть 2	28
Нежданова – не обмани!	34
Яма	37
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Анатолий Мерзлов России ивовая ржавь

Анатолий Александрович Мерзлов

Мерзлов Анатолий Александрович родился в семье военнослужащего в Аджарии, в г. Батуми. С 1961 г. воспитанник муззвезда Батумской мореходки. С 1966 г. курсант Батумского мореходного училища. В 1971 г., после окончания, работал на судах заграничного Новороссийского морского пароходства в качестве судового механика. В составе флота был участником Вьетнамской войны, событий на Ближнем Востоке, работал в тайм-чартерах на Кубе. Участник арктических и антарктических экспедиций.

С 1988 г. перешел на береговую работу мастером судоремонтного участка БТОФ г. Новороссийска. С 1990 г. кардинальная перемена образа жизни – полный уход от моря для работы в плодовом совхозе Геленджикского района. В этом же году направлен на учебу в высшую школу управления сельским хозяйством. В связи с развалом совхоза в перестроечный период после окончания школы стал предпринимателем.

Первая проба пера состоялась в г. Батуми в газете «Советская Аджария» (8 класс школы). Моральным правом к написанию первой книги послужил многолетний опыт во многих областях жизни, подпитанный жаждой самовыражения. До 2007 г. писал в стол, накапливая и систематизируя материал. В 2007 г. Краснодарское издательство «Советская Кубань» издало первую книгу «Платановая аллея». С промежутком в один год были изданы очередные книги: «На пути в никуда», «Эта страсть навсегда», «Счастливчик», «Здравствуй, Геленджик», «Код доступности», «35-й день осени».

Неоднократный участник литературных конкурсов им. И. Бунина /лонг лист/, Ясная Поляна, Дары волхвов.

Танюша – милый идеал

Солнце нещадно палило в зените. Распластавшись в ленивом планировании, над головой перекликались шуры. Далеко впереди в знойном мареве плыли бесформенные холмы. Затяжной подъем вывел на лысую маковку высотки, довлеющую над остальным ландшафтом. Жара изнуряла – не терпелось вырваться из выжженного безжалостным солнцем однообразия, обласкав взор желанной встречей, а пологие холмы упорной вереницей все уходили за горизонт.

Два самоотрешенных путника по возможности сокращали путь, молчаливо срезая склоны огнедышащих холмов. Один из них, – смуглая от накрепко прилипшего загара, с ввевшимся в кожу щек природным румянцем девушка по имени Танюша, семнадцати лет от роду; второй путник – парень, ее новоявленный родственник двадцати лет. Парень отставал, не имея при огромном резерве молодости и внешней спортивности достаточной подготовки. Ей, выросшей в этих местах, подъемы давались заметно легче. Когда имеешь цель, но под палящим светиллом постепенно теряешь желание достичь ее, трудно сохранять в лице живость интереса. Однако в их перекрестных взглядах не было и намека на досаду – в мимике оставалась все та же первоначальная одержимость. Внезапно, как свалившийся с неба подарок, из-за очередного холма на фоне блеклого неба открылась вершина с беспорядочными грудями белых изваяний, смахивающих на... , пришло на ум сравнение, «обиталище древних инков». Пробитая тропа запылила активнее, оставляя за ними облачко невесомой пыли. Унылый пейзаж не таил загадок, но после замечаний Танюши открылся, не успевшими рассыпаться в бесследный прах листьями тюльпанов. Она повела царским жестом, показывая просторы, покрытые ими весной.

Ноги выбивали пыльный пунктир, а воображение уводило от безжизненных рыжих склонов к буйно-зеленым весенним картинам.

Танюшу представили парню несколько дней назад – при близком общении противоречий этому не возникло. Она так и осталась в его памяти на долгие и долгие годы ласково уменьшенной.

Блудный отец расстался с его мамой двенадцать лет назад. Он его хорошо помнил и был рад, когда тот объявил о себе в Крыму через много лет. У отца проснулись отеческие чувства – он пожелал увидеть его, как это водится у нас, готовенького, повзрослевшего. Хотя отец и не помогал им все эти годы, неприязни к нему не прививали. Именно мама благословила его на эту поездку. Впереди жизненная дорога с багажом однобокого воспитания. Чем можно исправить сформировавшийся дефект? Ему не хватало мужского начала, и он это чувствовал особенно при принятии важных решений. Тоска ли за судьбу еще совсем молодой мамы, какая-то тайная мысль о воссоединении или есть еще нечто подвластное нашей природе, он согласился поехать на встречу без колебаний. На месте выяснилось: отец еще пять лет назад сошелся с женщиной и стал отчимом Танюши.

– Здесь, должно быть, очень красиво весной, Та-нюша?! – осмелился парень скрасить молчание.

Внешне тонкая и упругая, она и взвилась, как пружинка, будто своей фразой он сдернул некий тайный предохранитель. Эпитеты и метафоры в веселой смеси чувственных неологизмов застрекотали кузнечиками из ее уст. А ведь все началось с банального гербария на корню.

– Сейчас разве не красиво?! – сверкнула Танюша карими глазами.

«Где она видит красоту? Слепая одержимость или романтизм малолетки?» – промелькнуло в голове.

– Танюша, открой мои неведения!..

Она начала в карьер: повествовала легко, чувственно, художественно дополняя образы в сравнениях. Любая аналогия или дополнение умалили бы страстный поэтический монолог. Он не осмелился бы его повторить в первоизданной достоверности. Танюша остановилась именно

тогда, когда этого потребовал такт. В апогее интонации наступила полная убежденность: родные холмы – лучшее, что есть на всей земле.

Белыми изваяниями оказалось нагромождение огромных валунов из спрессованного водой и временем ракушечника. Свиристые зимние ветра довершили архитектуру местности, образовав в ракушечнике глубокие ниши. Танюша готова была убеждать попутчика в сказочной принадлежности всего окружающего. Хотя он и слышал отчасти о происхождении пещер, никак не мог отказать себе в удовольствии выслушать еще один страстный монолог – теперь о мистической истории подводного царства.

Они с немалым трудом вскарабкались в одно из углублений. Округлая ниша, снизу кажущаяся пещерой, не имела глубокого продолжения. Изрезав пальцы, изучая в слежавшемся пласте ракушечника мумифицированные листья морской ламинарии, они оставили для потомков задачу в виде отпечатков крови первой и третьей группы.

...Возвращались назад, когда жаркое солнце умерило пыл, начав сход за холмы. На глазах скрадывался уходящий в серость дальний пейзаж – стало очевидным: домой засветло не поспеть. Танюша, казалось, приуныла – она молча шла впереди, показывая со спины хорошо скроенную фигурку. В первый раз за время общения он увидел ее по-иному. Даже по южным меркам, Танюша рано налилась зрелостью. Румянцем в обе щеки она напоминала высоко висящее наливное яблочко. Лирические отступления так и просились из него, но в быстро наступающем сумраке он стал думать о возможной ночи наедине с ней. Танюшина необыкновенная манерность, отличная от городского образа, переваривались сознанием, затмевая мысли о каких-то предстоящих неудобствах. Все это случилось раньше, но ее сиюминутная уверенность выделась ему другим качеством. Он мельком, в последних отблесках светила, увидел в ее глазах банальную женскую слабину.

На небе зажигались мерцающие точки, превращаясь в яркую карту звездного неба. Луна еще не встала, и силуэт спутницы терялся на десяти шагах расстояния. Перевалив высокую точку – взору открылся промежуточный населенный пункт мерцающий огнями, который они миновали рано утром.

На мгновение задумавшись, он догнал горячую спину Танюши. Она резко остановилась и он невольно приобнял ее.

– Не бойся, не укушу, – проговорила она с перехватом дыхания, выдающим волнение. – У нас появляется шанс увидеть крымскую ночь изнутри. Остановиться можно на заброшенной метеостанции. Она в консервации, примерно в двух километрах отсюда – до дома около пятнадцати. За что голосуем?

Его сердце переместилось в горло.

– Итак, – сверкнула она в темноте глазами.

– За станцию, – поспешил высказаться он.

А потом, смягчая дрогнувший голос, заключил: «Конечно, так разумнее, чтобы не пасть в пути».

– Ночи здесь прохладные, можно и летом схлопотать воспаление легких. Становимся спина к спине – ты весь мокрый. Предупреждала: пить воду в меру. Отдыхаем пятнадцать минут – и в путь-дорожку. Я тоже голосую за станцию, – прожурчала она голосом в новом для него качестве.

Танюша уверенно шла впереди. После короткого отдыха, с оставшимся ощущением ее слабой спины, в нем шевельнулось мужское начало. «Бесспорно, она абориген здешних мест, но почему не он, лидер по жизни, позволяет навязывать ей свою волю?» Однако непонятное внутреннее сопротивление не позволяло обидеть ее и выйти вперед. Они продолжали двигаться тем же порядком: Танюша впереди на расстоянии пяти-шести шагов, он – сзади, продолжающий копаться в нелепости ситуации, поняв, наконец: ему приятно доставлять ей удовлетворение от лидерства, еще приятнее воспринимать великодушную сестринскую заботу,

даже слышать напускную жесткость, за ней все равно проступает плохо скрываемая женская слабость.

Они спустились в прищелок, образованный двумя холмами, – темнота резко сгустилась.

– Как долго еще, – спросил он темноту.

Она остановилась.

– Я была в этих местах два года назад, да и то в светлое время. Думаю, нужное плато сразу за оврагом.

В ее словах чувствовалась нерешительность.

– Та-ню-ша, а мы, случаем, не заблудились?

– Идем мы правильно... – ответила она, правда, с небольшой задержкой.

Со склона, нависающего над ними, вдруг донесся сильный шорох. Танюша вскрикнула и прижалась к нему.

– Я боюсь... здесь гиблое место...

Голос ее дрогнул:

– У подошвы этого склона фашисты расстреляли и наспех захоронили много наших солдат. Поисковики вывезли целую машину косточек несчастных. По ночам здесь видели призраков в солдатских пилотках.

Гулким эхом по щели прокатился истошный плач. По спине садануло холодком. Танюша крепче прижалась к нему. Он инстинктивно охватил ее руками, успокаивая севшим голосом.

– Давай возьмемся за руки, не бойся, пошли вперед, – решил он на инициативу.

На склонах загорались и пропадали блуждающие огоньки. Совсем рядом схватилось заунывным хором. Шуршание и горящие фосфором глаза преследовали их на протяжении всего движения до выхода на открытое место.

Теплые потоки воздуха поднимались от нагретой за день земли, бросая вперемешку с ним тянущий откуда-то сверху холодок. Танюша приободрилась: она протянула руку, показывая на выплывающий черный силуэт строения. Разом, как по решительной отмашке дирижера, тишину взорвал хор сверчков, вернувший в один миг ощущение детства и близкого счастья. Не размыкая рук, они подошли к обвисшей проволочной изгороди, за ней – зловещая тишина и ни малейшего признака жизни.

– Придержи проволоку – сгоняю на разведку, – приказала она, становясь прежней решительной Танюшей.

Он подчинился: приподнял колючую преграду, позволяя ей протиснуться сквозь нее. Она сделала это ловко: юркнула, оставив его наедине со своими мыслями. Он слышал отдаляющуюся уверенную поступь ее шагов. Небосвод за холмом осветился желтым заревом поднимающейся луны. Танюша растворилась в полумраке. Беспечно перекликались сверчки, недалеко сзади затаили «заунывную» шакалы. Он не выдержал и прокрался к строениям – тихо окликнул. В сараюшке что-то стукнуло – ему показалось: пискнул сдавленный голос. Припав к земле, он затаил дыхание. Рука инстинктивно зашарила по земле в поиске орудия защиты. С увесистым камнем наперевес – первое, что нашла ладонь, приблизился вплотную к стене строения и позвал громче:

– Танюша, ты где?

Дверь занудно скрипнула, откинувшись на петлях. За спиной вставала луна, выхватывая из мрака унылые заброшенные строения. Собственная причудливая тень, напоминающая знаменитого «сеятеля», пересеклась с линией черного проема двери. Близко над ухом прошуршало, многоголосо пискнув.

– Танюша, ау!.. – перевел он дух и крепче сжал в руке камень.

Она вышла из проема двери медленно, как изваяние, – на полпути к нему прыснула.

– Ты хотел победить летучих мышей? – спросила она, откровенно рассмеявшись.

Разглядев его серьезное лицо, она поняла, что переиграла и смело подошла вплотную:

– Ого-го, как подколачивает, испугался? За меня?

Он понял, что это ее легкая месть за проявленную слабость. Трепетность, с которой она преподнесла свой женский протест, не оставили в нем места для вспыхнувшей было злости.

Они провели ночь, приткнувшись вначале спинами, накрыв ноги непонятного происхождения жестким рядом. Тянущая из щелей прохлада не мешала витающим в ночных облаках мыслям. Попискивали непуганые полевки, изучая их неизвестное происхождение. Как выяснилось, рядом оказался старый брезент – он стоял шатром над их головами.

...Пробудились одновременно – он почувствовал это по дрогнувшей на плече руке, но она продолжала оставаться в том же положении, как, впрочем, и он, пока солнце не стало необратимой очевидностью нового дня. Когда ее веки открылись, их тайна перестала быть сказкой. Не удержавшись, он поцеловал в сложенные по-детски, лишённые прежней властности губы. Она не отпрянула, не оттолкнула его.

...Снова он посетил эти места через десяток лет. Разруха и сепаратизм не коснулись безжизненных холмов. Он приехал весной, когда их склоны покрылись засильем желто-красных тонов. Все так же в небе рыскали ненасытные шуры. В прозрачном воздухе, казалось, совсем близко висели белые изваяния некогда прекрасного подводного царства.

Уже состоялась жизнь, трудная и интересная: военные репортажи, ранения, потери друзей, тревоги – не состоялось семьи. Он так и не смог повторить ощущения той незабываемой крымской ночи. Танюша продолжала жить в старом родительском доме. Она ничуть не изменилась, если не брать в расчет грусть, умноженную на молчаливость. Он был рад счастьем увидеть ее свободной, не обремененной памятью иной, чем та, что спаяла их навсегда той незабываемой крымской ночью.

Гадкий утенок

Часть 1 Старик и море

Санаторный комплекс, обособленный неизвестной благостью, расположился в уютном распадке горного хребта, красиво сбегаящего в море. Искрящаяся, в теплых еще солнечных лучах, бирюзовая гладь моря настойчиво требовала участия в сказочной идиллии, и отказать ей в этом не удалось бы даже самым отпетым сторонникам общений за карточным столом, или есть еще одна известная категория – любителей общения в застольях. Из наблюдения за пестрым контингентом нашего дома отдыха: и те, и другие сегодня сдались.

Благодаря редкому взаимопониманию, или, если попасть на прагматика, чудодейственному взаимодействию небесных и земных сил, могла произойти такая встреча. Она осталась в памяти стойким напоминанием витающего вокруг каждого из нас чуда, которого не ждешь, но которое оставляет в глубоких тайниках сознания надежду до самой последней возможности.

В первой декаде осени эти места отмечены печатью тихой печали по жаркому прошлому. Остановиться бы в этом, достойном благородства состоянии, да не испытывать на уязвимость созревшие ценности, но куда деться от постулатов прогресса – совершенство бесценно постоянным обновлением. Твоя радость, умноженная временем, приобретает иные формы – она-то и способствует сохранению закона извечного круговорота.

Подолы хребтов ласкались в усыпляющем накате волн, оставляя место парящим под солнцем языкам отмели. Немного поодаль расположились ведомственные постройки с геометрическими рядами деревянных лежанок. Подавляющее большинство быстро приобщается к благам цивилизации – здесь всегда очень много народа. Разнокалиберные торсы, далекие от комплексов своего содержания /решусь назвать их курами-гриль/ целенаправленно, в той же механической последовательности, оттеняли красками иллюзорной красоты безнадежную мертвенную бледность. Да и что может сотворить отдых, в сущности, миг в безнадеге нескончаемых забот?

В сторону, чуть поодаль на дикой отмели, не тронутой участием человеческого разума, в гордом одиночестве застыло несколько фигур. На расстоянии, умышленно выбранном для единения с самим собой, они, со всей вероятностью, предавались мыслям, не желая иметь постороннего раздражителя. Казалось, это люди, особенно уставшие от суеты скоплений больших поселений, может быть, шумных производств. А что вероятнее всего, обремененные какими-то душевными терзаниями. Не все кажущееся с лету одним, перестает быть таковым при более тщательном подходе. В нашем случае все оказалось подверженным навязшим в сознании законам пресловутого человеческого общежития.

Со стороны массы позирующие одинокие фигуры удостаивались пренебрежительных взглядов: «Кто не с нами – тот против нас» – мы их опустим. Но вот одна из них, явно в другом смысле магнитила взгляд предающихся убийственной неге. На отвороте головы, как-то еще стараясь соблюсти такт, они косились на совершенство женского образца. В предвзлетной позе лебедя, она исключительно в восходно-закатной фазе светила, горошком купальника создавала определенный комфорт для глаз. И так повторялось с полмесяца, пока свежая плеяда вновь прибывших не влилась в компанию немых созерцателей.

Одни уезжали, удовлетворенные побывкой, со снимками, пополнившими тематические коллекции собственной персоны, другие насыщали лежанки теми же элементами поиска, рождая цветные несовершенства под покровом безжалостно обжигаемой кожи.

Ее тело, в отличие от гриль-подпалыны, на глазах превращалось в шоколадный образец. Стройность, подчеркнутая цветом, в сочетании с классическими пропорциями, вызывала откровенное восхищение, теперь и за обеденным столом. Все уже знали ее имя. Звали ее необыкновенно сказочно – Ассоль. Общение с ней обычно заканчивалось на уровне реплик. Не один, и не два курортных ловеласа разбили лоб о глыбу ее неприступности.

Истинная Ассоль, в лучших традициях Грина, неслышно входила в обширную столовую, вечно гудящую пустословием. С ее появлением, как по мановению невидимого режиссера, все пространство замирало и молчало до поры увлечения Ассоль едой. Можно догадаться, о чем возобновлялось застольное словоблудие. Строились версии о ее высокой принадлежности, но тут же разрушались практическими рассуждениями знатоков элитной сферы.

– Не порите горячку, сударь, отпустят вам этакую кисочку на растерзание быдлу, да еще в среднестатистический дом отдыха. Места, да, королевские, но сервис, обслуга – доисторическое прошлое.

При всем, обращение «сударь» звучало далеко не в лучших традициях буржуазного этикета, скорее издевкой.

Ассоль красиво насыщалась едой и неслышно пропадала. Возможно, кто-то и интересовался ее бытом вне пляжного моциона – об этом пересудчицы на общий суд не донесли. Надо полагать, жизнь ее протекала вне доступа праздных толкователей.

Приходило очередное утро, за ним день – все повторялось в завидной последовательности. С ее появлением я впервые так глубоко осмыслил возможности гармонии души и тела.

Искрящееся море в сочетании с небесными силами подарили мне то, без чего природа, – в лучшем случае, удачно схваченный сюжет с картины одаренного художника. Впервые так реально я увидел роскошную растительность субтропиков в милосердной перспективе человеческого разума.

В скоплении отдыхающих обязательным атрибутом юга мелькают знойные красавцы, выхватывая из их рядов достойные образцы – Ассоль оставалась одна. Не уверен, мой ли только избирательный мозг смог уловить легкую перемену в ее поведении с последним пополнением, или кто-то пошел еще дальше. Об этом мог бы рассказать случай, либо оно осталось бы тускнеющей со временем загадкой моего воображения.

До сих пор она стояла лицом к морю, хотя довольно часто его простор неуютно волновался морским свежаком. Утренний ультрафиолет красил нежные обводы плеч – до болезненного хотелось прильнуть к их совершенству в едином поцелуе с солнцем; вечерний ласкал лицевую статью, и ты, как невольный раб светила, обволакивал вместе с его лучами привлекательность лица, необыкновенной волнительности ножки, всю ее – полнокровная грудь оставалась тайной доступной для сверх вождления.

С некоторой поры море перестало для нее быть первостепенной благостью. Отныне лицо ее встречало ленивое, красное, потускневшее к этому времени солнце, всходившее в тоскливой поволоке наметившейся осенней дымки. Уточню: ее распущенные волосы колыхались под небольшим углом к морю, и точно очерчивали прямую линию к скале с белеющей высоко площадкой обзора. В это время она обычно пустовала, и лишь одинокая фигура замершим извятием темнела на ее фоне.

Я побывал там не однажды. Вид с нее был схвачен не одной камерой, разлетевшись по самым отдаленным уголкам нашей необъятной Родины. Заинтригованный незначительным, но важным для меня открытием, я с сожалением оставил Ассоль на растерзание чужим взорам, поднялся на площадку в дополнение к застывшей на ней фигуре. Любопытство, как порок, гасил в себе мыслями о хорошей физзарядке, и, кажется, о том, что смог встряхнуть крутым подъемом просыпающуюся с отдыхом леность души.

Отдышавшись скорее волнением, взошел под свод уютной беседки. Здесь, на высоте птичьего полета, подхваченные восходящими потоками воздуха, зарождались и улетали в сказоч-

ную высь такие же стремительные неземные мысли. Фигура угрюмого старика казалась кошунством к природе в сочетании с Ассоль, застывшей на отмели в позе очевидного благоговения. Старик невольно хмыкнул, оставшись стоять в удобном для него ракурсе. Не для позы – я окинул взглядом окрестности. Не постесняюсь прослыть сентиментальным: очень пожалел в то время отсутствию крыльев. Я развел руки, предполагая полет. Мой призыв как будто услышали чайки – они призывно закурькали над нами, стремглав бросившись к воде. Испугавшись самого себя, приблизился на опасное расстояние к краю пропасти, представляя себя реально парящим вниз с сизокрылыми совершенствами. В других обстоятельствах я вполне мог получить отповедь окружения, а старик не проронил ни звука, едва взглянул сочувственно, будто не я, а он – мужик в соку тридцатилетней выдержки, и вовсе не я, а он несет ответственность за будущее миленькой фигурки, ожидающей его далеко внизу. Увлеченность общения с мудрецами остановила меня от бахвальства. Я был знаком с умением этой беспомощной с виду категории перевоплощаться в ястребов и... побеждать. Своим появлением я его явно не порадовал, но он тянул с уходом – все его внимание с очевидностью ушло на крутую спираль лестницы, ведущую к низшему.

И все же он пошел назад, на мгновение замер в позыве что-то сказать. В недовольстве его взгляда отпечатались недосказанность. Он не проронил ни звука. Долго в ушах отдавались его размеренные, тяжелые, но устойчивые шаги. Правда, солнце поднималось с большей уверенностью, заглядывая в тенистое пространство скудных растительностью горных расщелин.

Я посмотрел вниз и не увидел на отмели той, ради кого решился на откровенную авантюру. Море в красивых контрастах неба потеряло для меня исходную значимость. Еще некоторое время я оставался наверху, учитывая трудность маршрута. Без бравады молодости я позволил пожилому человеку без дополнительных эмоций спуститься вниз. С ощущением неприятного осадка в душе я сбежал к береговой кромке: фигура старика удалялась в сторону спального комплекса. Приветливые лица знакомых, кивающих мне, казались ироничными насмешливыми масками, открывшими для себя свеженький курортный сюжет.

Говорили, что осенью здесь часто случаются сбои сезонности. Так оно и оказалось: днем нестерпимо палило – в распахнутые настежь окна дышало зноем в густой примеси потревоженных кипарисов. Ласковая прохлада моря улетучилась бесследно, как бесследно исчезла она. Сознание отяжелело неприятным дурным предчувствием. Я не имел привычки спать днем, а в этот раз незаметно для себя провалился в тревожное забытие.

Наши часы на отдыхе в сознании посвящены морю. Оно остается с тобой строго отпущенный срок – потом следующий старт рабочих будней. И так из года в год, живешь разложенным перед тобой пасьянсом, пока господин Случай не подкинет тебе задачу, в которой ты обязан найти свое необыкновенное продолжение – подобного подарка может больше не быть.

С ужасной после сна головой вышел во двор. От включенных фонтанов наносило бодрящую водяную пыль. В сторону уходила дорожка под сень застывших в полусне пицундских сосен. Не пережившие летний зной, некоторые иголки топорщились рыжей бесполезностью. Это минуты лучшей терапии сознаний, и захотел бы – не смог вогнать в голову мысли о производственных буднях. Следом за мамочкой с ребенком двинулся по дорожке. Трехлетнее пухленькое существо таранилось назад, протягивая вторую свободную ручку в желании подать ее мне. Садовник с завидным усердием двигал граблями, перемещая на край газона образовавшийся шар отжившей ершистости. Неприятные аналогии путались в голове, наверное, они бы определенно загнали отяжелевшую голову в тупик, но знакомая фигура в отдалении вернула меня к больной теме. Я замедлил шаг, желая понять что-то новое, непонятное для себя. Наши пути медленно сближались. Его глаза наверху, в беседке, не были настолько доброжелательны, насколько показались мне сейчас. Оставалось несколько шагов до момента сближения, а я уже чувствовал пронизывающую энергию его взгляда.

– Молодой человек, – обратился он ко мне, учтиво остановившись сбоку. – Здесь все как единое братство. Мы не знакомы и нас не представляли, но поверьте моей интуиции: вы лучший, кого мне довелось встречать за последнее время.

Я опешил от такого вступления. Не робкого десятка, сам я редко ласкал уши собеседников подобной лестью. Немногие из моего окружения удостоились такого откровения. Несмотря на доброжелательный взгляд, был готов на любую авантюру. Я мог предположить гораздо худшее, и мой вид, очевидно, слишком откровенно говорил об этом.

В довершение он улыбнулся мне тепло, по-отечески взял под локоть и предложил присесть. Густые, слегка выющиеся волосы с обильной проседью, украшали мужественное лицо. Он хорошо владел мимикой – она придавала его словам беспронимательной убедительности – никакой реакции отторжения, хотя интрига сохранялась до последнего мгновения. Я ждал, но, признаться, оставался в неведении до этого самого последнего мгновения. «Может быть, он увидел во мне удобного собеседника?»

– Я хочу поговорить с вами об Ассоль...

Помнится; я вздрогнул. «Он увидел мое повышенное внимание к ней?! В чем, собственно, крамола, я как-то вмешался в его жизнь?» – пронеслось в голове.

– Вы связаны с ней родственными узами? – выдохнул я звук, похожий на плевок древней мурты.

– Тонко подмечено, хотя и с некоторым загубленным смыслом – именно узами... Мы бывшие муж и жена.

В кулуарах сознания подобная вероятность, признаюсь, у меня проскакивала, но весьма отдаленным импульсом.

Мимо нас возвращалась мамочка с ребенком. Мне показалось, женщина особенно пристально заглянула мне в лицо. Трудно представить сейчас, какой у меня тогда был взгляд, может быть, поэтому?

По аллее прокатился прохладный ветерок – йодистый запах моря вернул меня под сень скинувших оцепенение сосен. Я смелее посмотрел на затихшего собеседника, приготовившись принять очередную заманчивую составляющую своего эго.

– Поверьте, – продолжал он страстно, – мне нелегко говорить об этом. Скорые неприятности со здоровьем обязывают меня к аванюре.

«Он не будет меня корить, даже за обстоятельства повышенного внимания к Ассоль. Что же тогда?!»

– Вы очень порядочный молодой человек, но дайте мне время. Давайте встретимся на том же месте, в беседке, на восходе солнца?..

Страх, нет, он не вызвал во мне этого чувства. Я кивнул головой.

– Как прикажете...

– Христофор Иванович, – подсказал он.

– Я обязательно приду, Христофор Иванович, – поклонился я, поддерживая его учтивый тон.

На отдыхе мы стараемся отрешиться от негатива прошлого, и оттого, насколько полнее удастся приглушить действие активных клеток мозга, будет зависеть продуктивность его. В продолжении напрашивается объяснение повсеместно бытующих курортных романов. Далеко не все из них имеют достойное продолжение – зачастую в их смысле инерция слухов. Рождение в таком варианте случайной встречи несет в себе прогрессирующую деградацию личности. Часто это поиск новых красок в плеяде неудовлетворенностей. Но ни одно, ни другое не смогут дать вам сколько-нибудь существенного толчка для продолжительного импульса, который можно сформулировать, как новую эпоху личного качества. Свалившаяся с неба встреча-откровение выпадала из канонов классики.

Уютный до сей поры номер перестал быть связующей ячейкой в череде ощущений. Сборник стихов хокку, наполнявший вчера голову восточной мудростью, сегодня только раздражал. Строгие изваяния начавших было одухотворяться туй виделись печальными обелисками прошлого. Бесконечная ночь превратила осмысленный шедевром дизайнера номер в одиночную тюремную камеру перед неизбежной казнью.

Едва дождавшись рассвета, мимо убитого дремой охранника, неслышно прошмыгнул во двор. Под оголтелое признание горлинки в кроне поникшего к земле старого ясеня двинулся к подошве склона, откуда стартовала спираль лестницы в просыпающуюся тайну южного неба-свода. Роса обильно окропила металл поручня – гирлянды ее жемчуга бесполезно терялись в замшелости бесконечных ступенек.

С последними физическими усилиями пришло разочарование скорым разрешением волнительного начала. Свет полностью покорил тьму: в ночной испарине внизу просыпалась безбрежная гладь моря. Мысли металась в крайностях ожидания, и все же кольцевались последними фразами признания, хотелось сказать – Христофора Ивановича, а вертелось на языке – Старика.

Он застыл близкой копией, выстроившихся далеко внизу печальных туй. Мне показалась трагичность сравнения уместной к его остановившейся скорбной маске. Я был дружен когда-то с почти обездвиженным стариком – он признался в убивающих его снах: в них он гнался за призраком на прытких молодых ногах и никогда не достигал.

– Скоро – солнце, – выдавил он через силу. – Я несколько не сомневаюсь в вашей порядочности, – интриговал он. – Какая прелесть рассвет. Во мне он рождает иллюзию бессмертия. Не волнуйтесь! А вы обязаны волноваться... Я не прав?!

Много позже, спустя годы, я понял, насколько плохо тогда владел эмоциями. Желание разгадки, как желание тайно влюбленного, маскировалось сосредоточенным вдаль взглядом.

– Волнуйтесь! Волнение, мой юный друг, включает свежие клетки. Ждите и дождетесь, ищите и обрящете.

Он замолчал, и я перестал для него существовать. Отнюдь, наступившая тишина не превратилась в тягучую составляющую встречи. Вслед за ним и я глубоко вздохнул. С молчанием пришло блаженство. Я был молод и не был отягощен печальными откровениями.

Вам приходилось слышать неслышную поступь просыпающейся земли? Я вдруг физически ощутил ее движение, осмыслил обновление всех клеток, всех застаревших пагубным влиянием цивилизации импульсов мозга.

Его тихий голос донесся издалека:

– Впервые я встретил Ассоль среди детей нашей ученой братии на отдыхе. Особняком от шумных отпрысков – она еще тогда поразила меня содержанием взгляда и ума, настолько же неказистой угловатостью. Я стал наблюдать за ней со стороны: за годы безмолвного общения она превратилась на моих глазах из гадкого утенка в прекрасного лебедя. Если бы она только красотой становилась его очеловеченным образом – это случается часто. Чудовищная сила духа, приверженность своей цели, скрытая мощная страсть, достоинство и многое другое из области фантастики сознания рождалось в ее открытом для меня содержании. Окружение по этому поводу меня откровенно подначивало. Меж тем, безжалостная старость настойчиво стучалась в мою дверь. Я не мог заставить себя получить благо в обмен на молодость, даже в случае ее упорной воли. Со мной она лишалась буйных прелестей своей весны.

Мои ученые разработки в лабораторных потугах, и ее учеба в МГУ отдалили нас на некоторое время. Скажу откровенно: успехи, которых я добился в исследованиях, были исключительно благодаря Ассоль – она оставалась и на расстоянии моей путеводной звездочкой. Я обязан был расти, создавать, и расти, и быть лучшим, вызывать в ней следующее восхищение. Я был уже не так молод, но я молодец ее восхищением – оно питало мою идущую на убыль жизненную активность.

В начале монолога-отчаяния я напрягся предвкушением благоприятного для меня взлета – в конце его мои крылья обмякли. Мне хотелось остановить его, не зная конца.

– Надо, мой соперник, – читал он мои мысли, – стой и слушай: ты победил. Бери свое, но помни: ничто не вечно.

Сквозь скалы брызнуло расплавленным металлом. Ослепленный, я зажмурил глаза, а когда их открыл – он, жалко ссутулившись, двинулся вниз, обрамленный искрящимся нимбом восходящего солнца. Я проводил его безмолвным взглядом, не имея морального права задать застрявший в голове вопрос.

Далеко внизу, на неухоженный сиротливый пяточок пляжа набегали беспечные волны. Скованный неизбежным, под размеренный камертон тяжелой поступи, остался в одиночестве, философски размышляя о свалившейся на меня загадке.

Часть 2

Ассоль

Вероятность продолжения повести, в худшем варианте, домыслом очевидца событий от разгулявшейся фантазии, могла свестись к мыльным пузырям, в лучшем – приписана к реальной истории с комбинацией других персонажей. В случае с Ассоль она имела полное право на продолжение нон-фикшн. И счастье, что нам повезло иметь оригинал, под легкой художественной ретушью.

Ассоль исчезла на второй день спустя, после пресловутого откровения «на верхах». Христофора Ивановича еще видели некоторое время, но и он пропал вскоре – так же загадочно, вне традиционного времени массового отъезда.

В нашей жизни немало загадочного, все зависит от степени нашей чувствительности. Однако этот случай имел продолжение, благодаря именно усилиям не состоявшегося по-настоящему сыскаря. Вы правы, если подумали о высоком личном интересе.

Зная определенное качество своего характера, все же тянул с окончательным решением. Адресок, выцарапанный у администратора, прожигал видное место на рабочем столе, превратившись через два месяца в замусоленный клочок бумаги. Нерешительность всегда считал недостатком большим, чем настойчивость – оно и сыграло ту самую решающую роль. «Есть ли у меня право внедряться в чужую жизнь?»

Я стал бояться свободных минут – тогда мысли обязательным наваждением нарушали размеренную программу дня. Теперь я точно знал: покой сможет вернуться в сердце при одном исходе – с последней точкой в затянувшейся пытке.

...Цветущие ветви сирени ломились сквозь звенья чугунной ограды, напоенные обильной влагой. Шпиль аэровокзала преломлялся в зеркале мокрого асфальта. За ним на пологом холме возлежал город-богатырь, отсвечивая бликами сусального золота. После надрывного рева моторов утренняя тишина, сама отмытая благодатным майским дождем, пробудилась чистой песнью невидимого пернатого. Облик далекого города, и перелесок, залегший по границам обширного луга, и чистой бирюзы небо, принесшее меня сюда, дышали неповторимой родной русской сутью. Решившись на рискованный вояж, я, как всегда, пытался глубже связать засевавший в груди образ с окружающей природой, сумевшей так филигранно выпестовать само совершенство.

Умышленно выбранная окраинная гостиничка, спрятавшаяся вдали от суеты дорог, давала возможность полнее изучить нетрадиционные подходы к центру города. Искомый адрес находился в черте шумного культурного центра. Я не готовил речей – я лишь хотел взглянуть на нее, а уж потом – я знал: сердце подскажет нужные слова.

В старом дворе, не слишком обласканном вниманием городских служб, отыскал нужную дверь.

– Нет нашей Сольки, – не сразу узнал производную от сказочной Ассоль из уст древнучей недовольной старушенции.

Она, похоже, не собиралась со мной общаться, пробурчала откровенное недовольство и суетливо притворила за собой дверь. Из соседней двери буквально выпрыгнула напористая рыхлая тетка.

– Вы ее, того, не слушайте, всех одинаково отхвутболивает Хвилиповна: боится после смерти сына совсем остаться без родственного внимания, в богадельню-то после красивой жизни не тянет.

Внезапно озадаченный, я рад был любой возможности узнать хотя бы какую-то информацию.

– Ходят сюда ахверисты всяческие, спасу нет: и стары и млады, вороньем слетаются к поживе. А мне, так лучше Хвилиповна, чем каких алкашей подселят.

Я уверил ее, что мне нет никакого дела до жилья, а ищущий я Ассоль – давнюю свою знакомую.

– Асю-то?! Мы по-простому к ней. Как жа, бывает, почитай кажин день. Вы же знаете, – просвистела она шепотом, – бывшая-то свекруха Хвилиповна ей. Тут история-я-а, знаете ли...

Мне не хотелось грязи в этом старом свежеотмытом русском городе – я прервал ее.

– Мне бы, стараясь попасть тетушке в такт, – мне бы, того-этого, Асю увидеть сейчас.

– Асю? Эта можна. Давала мне тута телехвон, еж-ли что. И ешо, ежли что, место работы – вот, пользуйте, мил человек.

Она зыкнула с рисованным презрением на закрывшуюся передо мной дверь.

– Тожа мне, прогнившая антиллигенция, – тряхнула тетка налитыми под глазами мешками.

Я ее поблагодарил не без внутреннего сарказма, на всякий случай спросил: не мог бы как-то существенно отблагодарить ее.

– Что вы, не турка жа я какая, Бог с вами.

Не ожидая подобного финала, я уже без всякого напряжения откланялся.

Старый центр давно просил большого вмешательства солидного капитала. Общий тон со стороны создал ощущение современного центра, а здесь, внедрившись в старенькие дворики, воочию увидел унылую предысторию города. С не меньшим удивлением подумалось о цветке, взросшем в этой самой предыстории. Ассоль мне виделась прекрасным творением, выпроставшимся среди хлама окружения, в галерею нашей красивой личностями истории.

Истину озвучил философ: красоту и содержание не стереть никакой грязью с лица земли.

С высокими мыслями я вышел во двор, пытаюсь упорядочить внутреннее состояние. Вросшие в землю старые кирпичные стены чередовались постройками с претензией на модерн.

Крошечное безлюдное быстро меня вполне устроило. Кофе оказался недурным, да и хозяйка – чистенькая молодая женщина, вполне не вульгарного содержания. Былой настрой готовности принять любое развитие событий, улетучился бесследно. Голова, как при перелете сюда, наполнилась новыми драмами. Свою удачную находку для уединения посчитал хорошим знаменем к очередному «подвигу» – решительно вытащил телефон и набрал номер.

– Телефон абонента выключен, или находится вне зоны доступности, – совсем озадачил меня бесстрастный голос оператора.

– Пролетарская? – нахмурила лоб чистенькая хозяйка. – Думаю, не ошибусь, – мило потупилась она – это в старом промышленном районе.

Старенький трамвай, внешне отживший свое, бодренько, по закраинным улочкам, привез меня в скопление монолитов за высокими оградами. Офис типографии и редакции, с навязшим в голове прошлым названием, знали все. С чувством, далеким от лирики, по пустынной выщербленной мраморной лестнице поднялся на третий этаж здания. Длинный коридор блистал роскошью прошлого века – норы-двери расположились строем запретительных табличек.

«Секретарь» – показалась мне подходящей для решения насущной задачи.

– Ассоль? – зависла взглядом на меня небрежно ухоженная бальзаковская мадам. – Вы от организации, или частное?!

– И то, и другое, – ступешался я ее напором.

– Пройдите к главному редактору.

Из стечения обстоятельств морально я подготовился встретить на своем пути нелицеприятные преграды и, увидев миловидное улыбающееся лицо редактора-женщины, остался приятно удивлен. Не переставая улыбаться, она ничуть не удивилась моим вниманием к Ассоль.

– Производственные проблемы. Решим – вы от корпорации?

– Простите за дерзость – от корпорации случайных знакомых.

Улыбка оказалась не напускной – она не слетела с ее лица. На мое счастье, редактор оказалась не зашоренным придатком рабочего места, а оптимистичным доброжелательным человеком.

– Так, так, милейший, влюбились, значит, – бросила она без обиняков. – Нам такое знакомо.

Прямолинейной понятливостью она сразу сняла все возможные витиеватости.

– Знаете, именно вы – располагаете, а приходится иногда и в других выражениях. У нашей Асечки сейчас психологически трудное время. Вы ведь знали Христофора Ивановича? Такое потерять... трудно нам, даже испытанным бойцам. Разочарую, подать вам Асечку на блюдечке с золотой каемочкой сейчас, сию минуту не смогу. В далекой командировке она. Боялась я за нее. В глуши одной, интервью с чрезвычайно тонким человеком – сама хотела, но Асечке нужнее. Вам, заметьте, вам одному озвучу ее место пребывания. Мы с ней близки в откровениях – слышала о вас. Лимит времени – однако дела, я все сказала.

Она улыбнулась извиняюще и протянула записку с адресом. Не вспомню всех слов, высказанных в благодарность, но помню, как слетел с пустынных уютных этажей, показавшихся мне прекрасным творением рук и ума человечества.

– Тюмень, Исетский район, с. Исетское, – пробежал глазами написанное.

...Нужная мне улица вывела на окраину цивильного крепкого села. Судорожно поеживаясь от стылого бокового ветра, приблизился к деревянному, по-хозяйски ухоженному домику. Свежая пахота за ним выдавала близкую привязанность хозяев к земле. В подворье гуляли куры – ничто не отличало его от десятков других, образующих протяженность улицы. С удвоенной от волнения судорогой постучал в калитку. Почти одновременно с ней открылась дверь в дом – на порог вышел дородный сибиряк в годах с умным лицом, следом – молодая красивая женщина в домотканой поддевке. Знакомые глаза метнули в меня искры, но тут же погасли. Они остановились рядом, взявшись за руки, и мне показалось, что я опоздал к ней навсегда.

Сомалийский индивид

*Летом ищем тень.
Зимой ищем, где солнце.
Ищем то, чего нет.*

Как бы кто-то из нас не изошрялся – каждое чередное зрелое утро дня твоего рождения все равно напомнит о наползающем холодке другой части жизни. А однажды уставшее недомением сознания, сердце не захочет встряхнуть блекнувшее тело в пируэтах бессмысленных физических нагрузок. Маскирующий, подобно осенней бессмыслице туман мышления призван не скрывать утраченные возможности – он обязан завуалировать тот неизбежный переходный рубеж, тогда-то и рождаются новые горизонты былых событий. Не беда, если вы на какое-то время приуныли – за зимой придет все та же весна. И дай вам Бог найти в ее фазах свое обновленное начало.

Обращаюсь за советом к мудрым:

«...Великая наука жить счастливо состоит в том, чтобы жить только в настоящем». Совет Пифагора равноценен его же непреложной математической истине: «Квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов».

Жить прошлым – самоубийство?! У прошлого назначение морского якоря – остановить движение, наша действующая задача – оставаться на плаву.

Кто бы знал о прегрешениях предшественников – горячих молодых умов, их сиюминутных усладений и поспешных революций сознаний, если бы не навязчивый невроз достигших высот мироздания вчерашнего поколения. Для них прошлое – кливер, треугольник, сохраняющий энергию движения.

Собираются распыленные частицы далекой дружбы. Останавливаются увлеченные бесконечной гонкой жизни, стекаются в русло общения все те же, но поседевшие пацаны. Много желанных встреч – некоторые озадачивают. И все-таки нет в целом цельного: затерялся не по воле или захотел затеряться осознанно мой кумир Леха – никто этого не знает. Леха – мот и разгильдяй, единственный из всех, умеющий сказать в трудное для тебя время одну единственную, но спасительную фразу. Все чаще наше заблудившееся время подминает под свой каток прошлое. Леха растворился в небытии. Попал он под его каток невзначай, как попали все самые безобидные и неустроенные, или умышленно бросился под него в массе других, попраных и оболганных безвременьем – осталась память, лишь она одна в состоянии сохранить равновесие двух великих стихий.

Часть 1

Тропический зной, присоленный океанской составляющей, повис непроглядной взвесью мощных испарений, скрывая до последнего детали извивающегося в воздухе пейзажа.

Завалившийся вперед форштевень «железяки» неуклюже кромсал зеркало океанской глади, с каждым футом приближая к новой истине.

Африканская экзотика предместья поселения Фош-ду-Кунене замаячила в размытом мощными испарениями изображении – с приближением открылась четкой картинкой. Так на холодной Родине в критическую пору межсезонья внезапно открывается затуманенный пейзаж. Враждующие воздушные потоки создают иллюзию волшебства. Здесь, при полном безветрии, не иначе как возможностями волшебства кто-то неосязаемый сорвал с огромного пространства обзора непроглядную защитную пленку.

На пологом обрамлении голубой лагуны устремились ввысь роскошные метелки пальмовой рощи. В прогалинах между пальмами в строгом порядке – лидом к океану распластались по песку эстетически плетеные бунгало. На плане поселения смотрелся инородцем под ярко-красной черепичной крышей европейский домик с пристежками симметричных пристроек. Домик прилепился к игрушечному причалу, своей непомерной миниатюрой напоминающему долговязого кузнечика, готового к сиюминутному прыжку. В затянувшемся ожидании с ним слились в одно целое одномачтовое остроносое плавсредство в стиле пироги Робинзона Крузо и беленький (надо заметить, до эталона белизны), современный быстроходный катер.

Вдоль стремительного зигзага береговой кромки, прилегающего к поселению, суетились черные торсы встречающих. Светлые набедренные повязки в плывущем мареве испарений искажались на линии фигур, и, казалось, на берегу движутся не люди, а устрашающего вида муравьи.

Наша неприглядная посуда еще дрейфовала, не успев зацепиться якорем за расщелину рифа, а катерок у причала поспешил спрятаться за черной шапкой выхлопа, сделал стремительный вираж и, оторвавшись носовой частью от воды, на бешеной скорости полетел к нашему борту. Пока двое матросов волокли тяжелый шторм-трап к борту, катерок уже застыл в обзоре носовой, развороченной столкновением с айсбергом части. Так бесхитростно заканчивался наш героический антарктический вояж.

Мы с усмешкой смотрели на двух смуглее смуглого экспертов, внимательно изучающих рваное увечье корпуса. В голову закрадывалось сомнение, в ней даже не зарождалось мысли о возможности выхода из патовой ситуации здесь, на экзотическом берегу африканской лагуны, хотя приход сюда был кем-то рассчитан как благоприятный исход. Судно в дрейфе прочно зацепилось якорем за грунт, принимая направление прилива. Матросы сбросили за борт шторм-трап, старпом заспешил из рубки вниз. Со стремительностью обезьянки первый темнокожий взлетел по балясинам трапа на грузовую палубу, второму это удалось не столь удачно: он чертыхнулся в мусингах поручня, но быстро сориентировался в оплошности. Поступью иноходца чернокожие представители проследовали по грузовой палубе. Тяжеловатый, нерасторопный старпом не рассчитал такой прыти и встретил их на трапе к твиндеку.

Свободные от вахты, с высоты шлюпочной палубы, мы с бывшим однокурсником, а теперь с коллегой в машинной иерархии Лехой, любовались африканским пейзажем. От бесконечного конвейера однообразных дней Леха позевывал. Утренний шадящий зной уверенно переходил в свирепую дневную фазу: высунутые на солнце руки неимоверно припекало.

– При таком раскладе события развернутся не скоро, – предположил Леха.

Не надеясь поучаствовать в форсированных событиях, мы нырнули в столовую, где в холодильнике потел дежурный алюминиевый безмерный чайник с «чифирем». Леха чифирнул, крякнув от сковавшей зубы крепости, я тоже хлебнул глоток и завис в иллюминаторе.

Из-за мыска лагуны выплыла стрела плавкрана.

Леха отмахнулся как от нечистой силы:

– Ну, оперативщики, отдохнуть культурно не дадут.

До полной сцепки якоря с грунтом судно на пару кабельтовых приблизились к берегу.

– Смотри, смотри, сколько женского населения на берегу. Смотри, сисястые и без ничего... Голимая чернь – ни единого тебе белого пятнышка.

– Леха, у тебя есть шанс...

– Не-е, я по другой части, – вальяжно отреагировал Леха. – Эх, мне бы под «кваском», в тени разлапистой пальмы ощутить прохладный бочок аборигенши... А лучше щекой на ее очаровательной выразительной попочке увидеть эротический сон. Вот тогда, может быть, меня можно склонить к ассимиляции. Это Толик «Белиберда» (один персонаж из младшего командного состава и наш другой сокурсник, умеющий в короткое время сказать много и ни о чем), – прошептал он, убедившись по сторонам в отсутствии «ушей», – от француженки приполз чуть тепленький, от итальянки – ни живой ни мертвый, представь: от вьетнамки – свеженький, как молоденький огурчик. Все мечтал о черненькой. По-моему, в нашем бедственном положении, лучшая – это восточная женщина? Эта покорней – поймет и мягко исправит мое хроническое недоразумение.

Плавкран тем временем грубо кромсал идиллию зеркальной лагуны. От движения неуклюжей махины в берег ударил накат. Пока отдавались опостылевшему, но все же так необходимому отдыху, наши сомнения еще сильнее развеялись. Через каких-то два часа на плашкоуте, пришвартованном к левому борту, всю кипела производственная возня темнокожих рабочих. Солнце стояло в зените. Его безжалостный окуляр злоумышленно охотился за твоим темечком. Изжарить, расплавить, испепелить, перевести во взвесь и никакой тебе иной участи. В движении ощущение духоты смазывалось, сейчас же и тень спасала мало – за спиной дышало жаром от раскаленного металла переборок. Главные составляющие жизни: воздух, небо, земля, кроме ласково влекущей голубой глади, ополчились против твоей белой сути.

Очередная вахта через два часа, но кто не догадывается, если не знает, как скоротечно бездействие в тропической неге. Леха – мот и балагур, лучший друг и душа любых начинаний, случалось, по пьяни допускал опоздания на святое святых – вахту. Леха в том состоянии становился жалким безобидным ребенком – его не получалось корить – ему прощали. Прощали не за жалкий вид – он обладал божьим даром, находясь в изрядном подпитии, выдать из своих недр возбужденному сменщику нечто избитое, но в точку, и поэтому всегда особенное. Звучало не прощение и не оправдание, а мастерски им подмеченная твоя смешная особенность. Сбои на стоянках происходили всегда – в рейсе Леха был паинькой, не беря в расчет редкие случаи юбилеев – он надирался, но на вахту приползал. Что могло быть потом, знаю только я. За острый ум его любили – за все наносное снисходили. Работа искусственно отнимала большую часть времени, самообразование и сон к концу длинного рейса становились малопривлекательными. Часто интервал заполняли экспромт-концерты. Леха – их самый органичный организатор и конферансье.

Мы сидели на кнехте, спрятавшись в тени, поджаривая лопатки о горячую переборку. Леха как-то особенно пристально всматривался в искрящуюся на солнце песчаную отмель. Леха мог загоревшимся взглядом увлечь кого угодно – я тоже посмотрел туда: темнокожая женщина стояла в воде на берегу «по самые не могу», вращая в воде чем-то похожим на лоток, в такт вращению, выписывая круги отвесами открытых грудей. Детвора черными кузнечиками скакала от бунгало к ней и назад. Маслиновые торсы любопытствующих пропали под сенью пальм. В поселении происходило их постоянное перемещение, скорее всего, так протекали их хозяйственные будни. Люди, похожие на огромных черных термитов, занимались нехитрой работой. После восьми месяцев заплыва тянуло на любую твердь. Неведомая для нас земля, знакомая по юношескому Майн Риду, влекла убедительней моря.

– Вот не хочу, поверишь, в тот рай! Окунуться в первобытнообщинный строй, деградировать мышлением?

Вот если бы они одарили меня напитком, который смог бы и жажду утолить, и снять напряжение, тогда, может быть, я смог бы высадиться в их красивую преисподнюю, – произнес Леха банальное с видом мудреца, изрекшего нечто важное, при этом подразумевая что-то другое, более существенное, недоступное для понимания окружающих.

Мне показалось, насколько я знал его, он перешел в философию высокого порядка – на этот раз я ошибся.

– Ты как считаешь, какие ощущения от прикосновения к той, – он кивнул на берег, – черной коже? Она может возбуждать или...? – призадумался на полном серьезе Леха.

– Ты совсем недавно честил Толика «Белиберду» по части женщин, а сам в «ту же степь»? – прервал его я.

– Толик – известная крайность: там слепое устремление, причем до судороги, коллекционирование, если хочешь, навязчивый невроз, а это диагноз. Я копаю мельче: мне бы погладить по спинке цивилизованную «черную обезьянку». С беленькими «мартышками» у меня получается одна игра – в поддавки. Ос-то-чер-тели! Попадаются или пьющие – сам не прочь, или до откровенной дрожи желающие отвести меня в ЗАГС. Ты ведь меня знаешь: дай мне смысл – капля в рот не попадет, кроме холодного хлебного русского кваска по рецепту моей бабушки, да и то лишь в жаркий полдень. Я любить могу всерьез и навсегда. Потаскушество, портовые дешевки – обрыдло все.

Периоды полного пересыхания у него действительно происходили: он временами ожесточался окружением, становился нелюдимым, странно для любителя застольных увеселений уходил в себя. Такие периоды заканчивались стопкой рукописных стихов. Правок не было – писались они не напоказ, для самовыражения, на одном дыхании, взрывом иступленного сознания.

*Просто, как уходят в ларек за хлебом,
Не выпив даже рюмки водки на прощанье
залом
Мы потянулись рассветами поблекшими...*

Стихи читались без натяга – в них сочетались есенинская грусть, с примесью колесного цыганского, слегка вульгарного налета, с желанием скрыть свою оплошность таборным задором – в итоге распахнуть страдающую, мятущуюся душу.

– Погладить, слышишь? В Коломбо я катался на слоне, держался за его спину – скорее всего, ощущения разделятся между кожей слона и, наверное, носорога? Слышал, у носорога кожа довольно нежная.

Я посмотрел на часы: времени оставалось хлебнуть чая и съехать на поручнях в огнедышащий зев машинного отделения по штатным местам.

Леха недовольно отмахнулся от меня, но поднялся. Я мельком окинул берег – он опустел, пальмы понуро отбрасывали тень на затихшее поселение. Смуглым рабочим жара не препятствовала – над местом работ растянули камуфляжный полог. Глухие удары по металлу перемежались вспышками электросварки, искры веером сыпались в воду. Черные рожицы рабочих дружелюбно белели оскалом улыбок. Без праздных остановок работа кипела круглые сутки. На исходе недели аккуратная заплатка легла на место пробоины, обозначив некрашеной частью носовую часть судна. Плавкран без задержек мягко отвалил от борта – сложилось впечатление о существовании серьезного технического конвейера, довершая наши преждевременные мысли о несостоятельности возможностей на задворках африканской цивилизации. В тот же день другая бригада чернокожих рабочих зависла на беседках за бортом. Покрасочные катки переходили из рук в руки – хватало пяти дней. Свежий ярко-зеленый глянец на матовом фоне

старой, потертой льдами и солью океанов краски, бросал зайчики на гладь бухты. Судно стало на ровный киль – так скоро заканчивалась наша «Илиада». Рискованное плавание после получения коварной пробоины во льдах Антарктики, перестой и маневрирование в поисках спокойного маршрута – все осталось банально позади.

За все время ремонта вода в лагуне не колыхнулась даже от малейшего ветерка – зеркальная гладь нарушалась в отдаленной от нас части выступами рифового образования во время отлива. Ни зимы тебе, ни капризов межсезонья – чем не райская жизнь.

В ожидании предстоящей вахты в группе других моряков свободных от вахт и работ, Леха чесал язык на кормовой палубе. Подобной манерой Леха привлекал внимание – он обожал всеобщее внимание. Каскад неологизмов с соленой присыпкой смешил окружающих. Вахта и одиночество его угнетали. Когда из него лился поток красноречия, я понимал его крайность: напряженное внутреннее состояние – для него выпивка-то и служила спасительной стройкой из омута одиночества. Неожиданно за спиной, знакомый всем тенор, прервал монолог Лехи. Помполит, в сравнении с другими декоративными фигурами – неглупый от природы и влиятельный в судовой иерархии, располагал прогрессивным нестандартным мышлением, тем не менее, он оставался «Помпой».

– Леша, есть шанс покрасоваться в словесном жанре перед необычной аудиторией, – про-
ткнул он стрелой внезапной реплики, как бы невзначай, витиеватую речь Лехи.

Некоторое время молчал, интригуя вопросом.

Исхудающий от жары Леха, похожий на бойцовского петуха, шевельнул выразительным кадыком, готовый к подвоху.

– Сколько потребуется времени, чтобы освежить ваши вокальные данные? – обратился Помпа ко мне.

– Лично я на вахте в котельной их освежаю каждый день, – не понимая сути вопроса, отшутился я.

– Прекрасно, парни. Есть очень заманчивое предложение обменяться фольклорами с местным населением на берегу. Мы все устали от напряжения и заслужили больше, чем просто отдых. Представитель Регистра прибудет только через три дня.

Онемевшего было Леху понесло.

– Оно, конечно, заманчиво. Я могу по-цыгански, можно на украинском, с английским тоже в дружбе, 3-й помощник Автандил Долидзе поможет с грузинским. Извините, какой из перечисленных языков может стать языком общения? Упустил: я могу еще кричать павианом, неплохо освоил звук предостережения об опасности.

Леха без остановки выдал душераздирающий горловой звук.

– Аборигены замешкают, а наши разбегутся, в случае, если нас захотят съесть. Участь Кука нас не прельщает.

Помпа терпеливо выслушал – он хорошо знал замороченные репризы Лехи. Собственно, знали все, как мог тот на пустом месте сделать шутку, ловко лавируя вокруг запретных околорасовых тем. Я ткнул Леху в бок, обычно я так урезонивал расшалившегося Леху. Не желая того, попал под больное ребро.

– Люди закисли в ожидании перемен – страшно вспугнуть интересную инициативу, – простонал Леха.

Помпа встал с видом честно исполнившего свой долг.

– Итак, я настаиваю, о возможностях и готовности самодеятельности сообщите. Влиятельный племенной вождь через своего представителя просил посодействовать в этом. Его дочь – красавица Унку-лункулу окончила университет им. Патриса Лумумбы в Москве – уверен: она окажется наилучшим переводчиком в нашем общении. Не придется нашему Алексею напрягаться в подаче текста, будет шпарить, как привычно, может крикнуть павианом или блеснуть знанием цыганского сленга. Просили песен, русских песен, народных песен.

Помпа ушел, а Леха в страстном порыве то ли от обуявшей его радости, то ли от озлобления за мое болезненное действие, охватил сзади мою шею цепким борцовским захватом.

– Умри! Ребро едва схватилось, как раз в большой стык попал.

История с ребром – особая история, одна из самых неприятных в разудалой Лехиной береговой биографии. В Одессе, под Бахусом, «юмористы-собутыльники» попросили поносить стильный Аденский прикид – весь месячный заработок. Имея проблески сознания, или, благодаря своей доброте, он отдал все верхнее. Когда попросили исподнее, Леха взбрыкнул. После ощутимого удара по ребрам – пришлось отдать все.

В шее отчетливо хрустнуло – похоже, Леха не шутил, хватка у него при сноровке выходила мертвая. Я пошел на хитрость.

– Леха, дочери вождя Ункулун... ах, просто Ун-ки, без меня тебе не завоевать.

Я его хорошо знал: Леха впал в знакомый мне охотничий азарт. Он тут же отпустил – в следующую минуту вернувшись к теме, чем подтвердил мое знание себя. Попыхтев еще немного для виду, он кисло изрек:

– Пока живи...! Благодарю Ункулункулу. Всем желающим участвовать в концерте вечером сбор в кают-компани.

Он окинул всех с высоты гуся-победителя, игнорируя меня спиной, имея, конечно, в уме обязательной единицей очевидного плана.

Не так важна в этом повествовании обстановка подготовки и сборов. Но не сказать нельзя, как Леха горел – все безоговорочно приняли его лидерство. Он на полном серьезе отбирал репертуар. Меня Леха просто замучил: часть патриотической тематики в атмосфере тропиков выглядела жалкой насмешкой, но другая, лирическая, подбиралась ближе к созвучной. Мы не были в своих пристрастиях буками, увлекались, как вся молодежь, модными веяниями. И все же обстоятельства отдаленности и определенного аскетизма держали высокий настрой ностальгии.

Этот вечер я помню в мельчайших подробностях, но не стану отягощать вас подробным описанием мелочей. Скажу то, что моя художественная мысль найдет главным и интересным для вас, откроет секрет, как нам всем казалось, – мота и разгильдяя Лехи.

...«Расцвела сирень-черемуха в саду. На мое несчастье, на мою беду», – звучала под переливы наших гитар песня молодости наших родителей.

От струнных заклинок менял обороты чувствительный дизель-генератор в мотоботе на берегу. Два светильника под железным зонтиком собрали облако летучих насекомых.

В первом кольце отсвечивали горящие глаза влиятельных жрецов во главе с вождем. Экзотикой их нарядов мы насладились в период подготовки – они все так же внимательно созерцали весь процесс от самого начала подготовки. Во втором – наши тылы. Такая подсветка выбиралась не случайно: замысел создать определенный интим сцены состоялся. Леха в центре перед нами исполнял невероятные кренделя, немного переигрывая. Весь в мыле – он выдавал экспромт. Во время музыкальной паузы темнота листьями на свежем ветерке пестрила белыми ладошками – хлопали ожесточенно и долго, с горловым улюлюканьем. В промежутках молоденькие женщины с нерастраченными поплавками открытых грудей подносили напитки, сильно фасонясь. От глубокого, просящего пронзительного взгляда по телу пробегал неуправляемый озноб. После третьего подноса Леха резко изменил курс, косясь за наши спины, где в отблесках светильников строго по туземному этикету стояла представительская иерархия во главе с Помпой. Леха, щепетильный в вопросах этикета, давал непонятный сбой: ему надо было оставаться всегда лицом к вождю. В окружении подтянутого Помпы и масляной физии красавца «деда» затесалась милейшая кукольная черная мордашка в национальной расписной разлетайке и... супермини-юбчонке. Леха взял стойку охотничьей. В таком состоянии он мог допустить любую оплошность. Спасая его, я вступил из-за такта:

*Из полей уносится печаль,
Из души уходит прочь тревога...*

Неожиданно запели хором все наши – струнный оркестр подхватил. Простенький шлягер был у всех на слуху. Игривым шагом Леха подкатил к «мордашке» и... потащил ее за руку на сцену. Она без претензий, ловко извиваясь в танце, выскочила с ним.

Что тут произошло!?! Вождь встал – ударили туземные тамтамы, зазвенели бубны, в круг с устрашающим притопом выскочили воинственные чернокожие копыеносцы. Леха бездарно затерялся в пестроте их нарядов и диких звуков. Я всерьез испугался за него. По едва уловимому движению скипетра вождя окружение распалось, образовав разноцветные лепестки из нарядов – в центре пестиком с тычинкой одного большого цветка замерли фигуры Лехи и Унки. Леха в позе покорителя, Унка с печатью покорной учтивости на личике. Наше музыкальное сопровождение захлебнулось взрывом диких звуков. В наступившей следом тишине все замерло ожиданием продолжения неведомого. От легкого возгласа из толпы, круг принял идеально правильную форму. Леха начал приходить в себя, с виду не понимая роль, которую ему приходится играть. Оттесненный воинственными туземцами, он с надеждой поглядывал в нашу сторону – соотечественники замерли немым недоумением, лишь движок за спинами отстукивал нам подбадривающие устойчивые такты, да еще желтый свет спиралей лампочек накаливания свойски подмигивал в туче наседающих летучих тварей.

События можно было воспринимать национальным театрализованным действием, так необычно перешедшего от нашего исполнительства. Видимо, поэтому наше представительство и молчало. Признаюсь вам, в себе я связал такую быструю смену декораций с появлением на переднем плане именно Унки. В колорите туземных костюмов, незнакомой для меня африканской эстетики я забылся, став второстепенным механизмом в танцующей, или устрашающей воинственной массе лоснящихся ловкостью и силой молодых черных воинов. Леха рука об руку с Ункой улыбался мимикой состоявшегося «японского болва-ничика». Эскорт воинов, двигаясь вначале вправо, затем влево, издавал трубный звук, похожий на призыв. По выкрику из окружения вождя черная масса взорвалась улюлюканьем – ряды воинов на короткое время разомкнулись. Под аккомпанемент горловых звуков в центр высыпали, как горох, молодые женщины, недавно раздававшие напитки. Их непокрытые груди украсили ожерелья из раковин. Таким же ожерельем, но невероятно длинным, они опутали в одно целое шеи двоих в центре круга. Леха пришел в себя: нагловатой своей улыбочкой он пялился на близкую Унку, отныне, без всякого сомнения принимая начинающееся таинство. Унка замерла, глаза ее безучастно устремились к небу.

Жезл вождя взмыл вверх, разово ударил бубен – воцарилась мертвая тишина. Гортанный голос из окружения вождя о чем-то возвестил – все продолжало молчать. Унка, не опуская головы, шепнула что-то Аехе. Минуту, может, две любые действия замерли. Движок продолжал тархтеть, но вдруг его такты начали прерываться – потускнели и погасли спирали ламп.

В наступившей полной тишине раздался страшный треск – за спинами нашей миссии, у самой воды в небо взметнулась шапка сполоха, отсекая огненной стеной отступление к осколку Родины. Темнота отступила, унося в тайну Южного Креста звездную россыпь гигантского костра. Леха склонился к Унке – много дольше, чем она, – он что-то говорил. Когда Леха отпрянул, хотя никто и не мог слышать сути сказанного, как по команде, за спиной вождя заверещало множество горловых тонов. Ожерелье сняли – ряды расступились и Леха – мот и разгильдяй, Леха, которого я знал, как самого себя, торжественно произнес:

– Ункулункулу – доступная, как звезда.

Торжественной, свойственной ему поступью, он продефилировал об руку с Ункой в сторону поселения. Жестом состоявшегося монарха, напоследок, он прощально помахал рукой в нашу сторону.

Напряжение ожидания чего-то непонятного не спадало, хотя концерт и окончился. К Помпе подошел один из жрецов в окружении копьеносцев, показывая на наш теплоход, на поселение, потом на нас, он воздевал руки к небу. Воины заулюлюкали, и жрец с почетным эскортом удалился восвояси. Я замер, потеряв дар речи, но сзади, как гром на голову, свалился грозный тенор Помпы, призывающий к быстрым сборам. Скованность ожидания прошла, но другое воздействие, похожее на тоску от неведомой утраты, сжимало мое сердце. Я всматривался в мерцающий тусклыми огоньками поселок и ждал оттуда чуда. «Когда же вернется одурчивший нас Леха?»

Его я больше не увидел. И лишь вернувшись домой, мы услышали шокирующее следствие концерта, состоявшегося в непосредственной близости экватора, в тихом экзотическом предместье африканского поселения Фош-ду-Кунене, на берегу голубой лагуны. Леха не пожелал вернуться на судно.

Часть 2

...За прошедшие годы соленый океанский простор из реальности перешел в область предания. Пережитое тем же сердцем, той же душой – телом, что сегодня снизошло до мелкой хозяйственной суеты, превратилось в саднящую тоску, где даже соль курортной морской воды – зудящее в ссадинах и порезах прошлое напоминание. Невозможно предвидеть будущие негативы сегодняшних обстоятельств. Мы порой принимаем решения в противовес внутреннему содержанию, увлеченные яркими событиями, опираясь на сиюминутную логику. Но тайники памяти и все твоё кровное, органичное, рано или поздно исправят преобладание над субъективным и противоречивым, вернется оно – твоё, ставшее частью монолита, такой же неотъемлемостью, как голова, руки.

Могло ли сознание остаться равнодушным к возможной разгадке событий далекой поры? Да, могло, но там, где рассудок не в ладах с сердцем. Без прошлого нет места будущему. Интерес к судьбе потерянных друзей просыпается у каждого и в обычной, рутинной среде обитания. Какой же интерес может разбудить однажды осенью горячо бьющееся чувствительное сердце в среде обитания контрастно противоположной?

Здесь – тихий листопад под выцветшим пологом бабьего лета, там – вечно искрящаяся вода сказочной лагуны под диктатом неумолимого светила.

В лучах еще припекающего сентябрьского солнца, за столом полным дарами лета, готовилось к отдыху сокровенное твоё, далекое от праздника изобилия, чтобы заснуть, а проснуться весной и вновь засветить противоречивыми непостоянствами.

Не успевший вызреть, поздний отпрыск могучего бука, отобранный у леса, начинающего терять былые краски – прекрасный смычок для тихой увертюры неоконченной истории.

Леха – мот и разгильдяй, искренний друг и соратник, выросший в твой разбалансированный организм, так варварски вырванный из его единого целого, не мог оставить опустошенным сознание. Леха был, Леха есть, Леха фантом твоего эго.

...Волнорез канадского порта Сент-Джонс мощным бетонным крылом противостоял стихии Северной Атлантики, образуя, вопреки напору циклона, тихую гавань для десятков плавсредств. В непогоду здесь ютилось все, что имело отношение к воде. Мачты всех калибров и назначений: от парусников, отдавших на время шторма воле бухты, до мачт солидных балкеров, выполняющих размеренные рейсы в самые отдаленные точки мира, застыли у стенок причалов на неопределенное время, зависящее от везения и спущенной сверху воли.

Третий день штормовой ветер перекидывал через волнорез устрашающие водяные валы. Неземными монстрами, на фоне легких офисных сооружений, не один наш балкер громоздился в готовности выскочить через створы бухты в свою родную стихию. Узкий излом бухты при ураганном ветре создавал сложность свободного маневра, поэтому команды портовых буксиров ждали малейшей передышки непогоды, когда можно будет, наконец, вытолкать опорожненные металлические глыбы на откуп своих единоличных возможностей.

Вынужденное бездействие выгнало пройти по причалу. Дорога под соленым дождем привела к соседу по причалу – русскому по национальности, капитану либерийского балкера-близнеца. С ним и отправились в администрацию порта, с высокой башни которой открывался чудесный вид далеко за пределы волнореза. Вспомнились любимые страсти Айвазовского, боготворил которого за достоверные краски, за понятную страсть, за понимание красоты дикой необузданной стихии. Отсюда, с высоты пределов недостижимости, определялся красивый старт волны. Она собиралась в бездумный кулак, грозно обрушиваясь в бетонную преграду волнореза. За первой волной – черед поменьше. С завидной, казалось, тупой настойчивостью «водное чудовище» собирало свежие силы и с пущей яростью обрушивалось раз за разом на монолит укрытия, испытывая на прочность рукотворную преграду.

Отсюда, с высоты птичьего полета, ощущался особенный алчный аппетит океанской утробы.

Сведения метеосводки удручали, и мы в состоянии тихой грусти по затягивающейся эпопее обоих рейсов уныло взирали на водный противоречивый мир. Несколько дней назад тишайшая океанская гладь ничем не предвещала такой силы урагана. Далеко впереди, в соленой дымке волн, маячили силуэты тех, кому досталась на сегодня штормовая доля. И все же любая, пусть не своя твердь для земного существа всегда лучше пусть родной, но грозной стихии. Наш путь, предстоящим последним рейсом завершал серию контрактов, после чего можно попасть на Родину – окунуться в лоно родной природы. Тело давно купалось в прозрачном воздухе осеннего леса, доверяющего самое сокровенное своей вотчины тихо шепчущей листвой. И летящая паутина, и косяки перелетных – все грустное, земное создавало надолго прочный задел выдержки на чужбине.

Капитан, его звали Владимир, читал мои мысли:

– Эх, в эту пору бы с лукошком, полным грибов, приятно притомленным, не спеша вернуться на уютную дачку. Ничто так не дополняет колорит осени, как ядреная ветка рябины в лукошке сверху. Я в это время года стараюсь быть в России. Второй год обстоятельства сильнее моего желания – в третьей декаде осени будет поздновато, да и юбилей не из оптимистичных: шестьдесят пять ахнет в ноябре.

Я посмотрел на него внимательно и позавидовал подтянутым формам, однако лицо одутловатостью и испещренностью морщинами напоминало коралловую губку. В красивых, мужественных чертах застыли уставшие глаза. Лицо не являло образец здоровья – я бы дал Владимиру все семьдесят пять.

– Тело – плохой ориентир, мой оценщик, – обратился он ко мне, – душа погрызена. Скорее всего, и тебе, – обратил он внимание на мой мешковатый вид, – нелегко пришлось в наше время дураков-политиков. Кто из них пострадал за угнетение передового активного послевоенного поколения, превратив в раннезрелые червивые плоды с перспективой раннего падения. Осталась последняя страсть – осенний лес, там я свой со всеми изъянами.

Я показал ему просветлевший в этот период горизонт – он же отвел мою руку, бесстрастно опустил свою, приглашая кивком к выходу.

– Я хорошо знаком с этим регионом. Рулю на канадской линии не первый год – карусель на неделю, попомнишь мои слова. Приглашаю ко мне на борт – ни одного «соплеменника», тоска зеленая: малайцы, индусы, два поляка, старпом-испанец. Пообщаться по-русски не с кем, одни писаки-доносчики. Если бы по существу. Не стеснясь, индус – 2-й помощник, пишет донесение на «мастера», представляешь? Вышел к бассейну не в установленном образце тапочках. Один Интернет, хотя и виртуально, как-то поддерживает на плаву. Пообщаешься, как помусолишь пальцем в постели с девицей.

Свое положение я не назвал бы лучшим: из двадцати восьми членов экипажа – пять русскоговорящих. Трое из них отщепенцы из Литвы, двое других – ярые «западенцы» из Чопа. Где больше двух, общение шло на английском. Как ответить на традиционное утреннее «сквозь зубы»:

– Хау а ю? Разве что пустым «о кей»?

Я и сам был искренне рад дарованной возможности поговорить нормально без рамок, по-русски.

Моя каюта главного механика не отличалась вычурностями – у Владимира атмосфера купалась в роскоши. Как оказалось, и она недостаточна для тонкой русской души.

– Удивлен видухой? – похлопал он меня по плечу по-дружески. – На этой посудине занимались мы высоко прибыльными поставками – много знали. Нет, нет, все в рамках закона... правда, и натерпелись. Эта прядь – он тронул посеребренный сединой, неукротимый мальчишечий вихор, – в одну памятную ночь заблудилась в цвете.

Хозяин хорошо платил сверху, быт всем облагородил, на коротком плече разрешал жен брать. Со временем острее ощущаешь: оболочка – пустое. Дома никогда не пью – жаль времени, а здесь, – он из стройной батареи бутылочных экспонатов выудил беленький идеал, – такой благодарный смысл.

– Гарантирую: настоящая – «Русская водка», не халтурная паленая – французского розлива. С огурчиками тоже без проблем – самые, что ни есть, «мерзавчики», тульской закваски.

Шум непогоды растворился за глухими задрайками иллюминаторов. Незаметно мы улели далеко за пределы нашего обиталища. Выпилося много, не мешая насыщению клеток мозга разбросом и содержательностью тем. Прочехвостили политиков-дураков, самих себя туда же, за пресловутую русскую терпимость, а остановились на будоражащих душу родных просторах. Учтивый стюард-индус менял изысканные блюда – кажется, третья бутылка «белой» французского розлива незаметно провалилась в тартарары. Мне не хотелось уходить, но долгое отсутствие, без на то оговорок, могло вызвать недовольство моего капитана-ирландца, и я засобирался.

– Грешным делом, веду дневник, – не очень стройно вывел я вязь фразы, – изображу потом нашу встречу, к несчастью, много грозových красок. Образ твой, Володя, подходящ в иносказании, вроде символа нашей любимой России. Прости, если не узнаешь себя в художественном вымысле, – расчувствовался я напоследок.

– Стоп, стоп, дружище, – он пошатнулся в сторону стола, выбросил ненужное на пол и торжественно вручил мне толстую коленкоровую тетрадь, – на, пользуйся мной без чужого оперения, – от первого курса мореходки до нынешнего времени. Мой дневник, так – немного рассуждений, а в основном, события. Осилишь – вернешь... когда-нибудь. Какой из меня, делеги, писатель?

Расставаясь, мы обнялись содержательней, чем из соображений алкогольной солидарности. Наши чувства размякли – это верно: наши мысли экспресс-методом прикоснулись к самому родному – русскому обиходу, мы стали больше, чем собутыльники – мы расстались, как братья. Нездоровый цвет лица Володи при прощании не вызывал внутренних вопросов – нынешний пунцовый цвет напомнил мне заходящее солнце.

...Прошедшая осень в России оставила мне несколько незабываемых дней. В один из них, с кузовком, полным отменных белых грибов, в перехлест с пунцовой веточкой рябины, возвращался к месту своего отдыха в глубинке Рязанской области. Валерия Ниловна, в прошлом сельская учительница, обихаживала меня. Она много суетилась: испекла пирожков со всякой всячиной. В семьдесят пять у нее оставалась молодая сноровка и завидная шустрость мышления. Из трех возможных помещений она предоставила мне самое светлое и уютное. Вид открывался на среднерусскую низменность: балки с перелесками, в подсветке светло-сиреневого небосвода, одухотворяли. Ни канадское раздолье, ни безбрежные воды океанов не сотворили желаемого чуда – вдохновение не приходило до сей поры. Только здесь, в окружении родной природы, в приятной истоме натруженных суставов, пробудилась жажда самовыражения. «Унылая пора» в русской деревеньке встрепенула до состояния дерзновенного поиска, яркие проблески памяти зажглись пожаром «отряхающих» осинки. Из походной сумки вытащилась коленкоровая тетрадь. Я ждал этого момента долго, не смея начать, пока не появится достаточное рвение. Похоже, черед наступил. Пейзаж за окном никак не вязался с тем, что давал жизнь с другим. В чем сила русской души? Конечно же, в базовых апологетах, и, в том числе, умении зарядиться щемящим сердце духом.

Погружаюсь в чтение.

Сухие записи фактов пребывания в разных точках мирового океана пролетаю глазами.

...25 августа. Миновали мыс Диксон. Следуем в караване судов за ледоколом «Арктика» в порт Мурманск. Ледокол вгрызся в ледовое поле. Нарушили покой паре белых медведей.

18 ноября. Вошли в атмосферу влажного Скандинавского климата. Впереди английский канал. Следуем в Роттердам – дальше на Черное море.

20 ноября. Беспричинная ли волна ревности захлестнула меня?! Хочу и стремлюсь увидеть в ней чистую, понимающую душу. Хочу, но не выходит. Мешают сложившиеся за годы общения факты, рисующие ее как личность с мелкой изворотливой душонкой. Не тот я человек, чтобы суметь порвать привязанность на основе приятных воспоминаний. Знаю, каким мучительным станет существование, если одна-единственная мыслишка сомнения останется буравить мозг...

Я вспомнил из рассказа-покаяния Владимира его русскую драму в страстях с разводом. Во время встречи в Канаде он состоял во втором браке с японкой. Мыслишка эта, чувствовалось, у него оставалась.

«У моей «экзотики» есть все: картинная внешность, покорность – нет родственной души». Многого я тогда не понял, но не хотел тревожить досужеством в деталях. Сейчас, в пору тихого увядания природы, я был не готов вытащить на божий свет еще одну драму. Перелистал тетрадь дальше. Эта запись начиналась красной пометкой: «**Сомалийский индивид**». Именно так начиналась солидная глава рукописи. Мелькнувшее имя «Леха» заинтриговало меня.

...Дрожащими руками я закрыл прочитанное. Глаза смотрели в окно на милый сердцу пейзаж, но не видели его. Я слышал о хитросплетении судеб – иногда делал вид, редко, в зависимости от мастерства рассказчика, верил в невероятное. Передо мной, в записях случайного человека, открылась судьба дорогого мне человека. Однокурсник, коллега по работе – этого уже немало. Леха был готов пожертвовать за меня жизнью.

Перед антарктическим вояжем судно обеспечивало воюющий Вьетнам. Стоя под выгрузкой в порту Хайфон, испытывали каждодневный стресс от налетов бомбардировщиков. Бомбили объекты окрест – нас не трогали. В один из налетов мы с Лехой находились на внешней палубе. Пролетавший высоко «Фантом» неожиданно сбросил на наши головы искрящиеся в полете предметы. Леха увидел их первым: свалил меня на палубу, плотно прикрыв собой. Предметы оказались не кассетными боезарядами, а всего лишь устрашающими металлическими чушками. Да, я помогал Лехе в многочисленных разборках на берегу, да, я во многом покрывал его в общем-то безобидные «грехи», но чтобы в благодарность за это... Сейчас я задумываюсь: а смог бы я, вот так же, закрыть его своим телом. В «моте и разгильдяе» жил Альтруист с большой буквы.

Из сухих фактов дневниковых записей Владимира, иногда прямой речи собеседников в них, некоторых умозаключений удалось открыть для себя экстремальные выражения судьбы, едва ли не с момента неожиданного исчезновения Лехи в африканском предместье Фош-ду-Кунене. Политическая мясорубка не могла не взять в обиход эксцентрика-Леху: вялое течение – не его стихия, захлебнуться – так в бурной реке, сгореть – так пылающим костром. Словесные принципы он отчетливо воплотил в жизнь. За бесстрашие, за самобытность, за силу воли, за бескомпромиссный вызов времени низкий ему поклон. Желаю всем пережить то, что должен пережить каждый после обретения потерянного друга. Отныне и навсегда – Леха живет всех живых.

В далекий день нашего расставания Леха покусился на самое святое в клане африканского вождя – дочь. Он дал согласие на участие в завоевании Унки. Восклицание «Ункулун-

кулу – доступная, как звезда» стало символом претендента на полноправное обладание. Можно догадаться о доступности звезд, но Леха — мот и разгильдяй, бросил вызов. Ему противостояли самые достойные, физически сильные и ловкие соплеменники Унки. Сейчас реально оцениваешь, как абсурдно выглядело для Унки возвращение из лоно цивилизации в родной, но дикий племенной уклад. Познав сладость вкушенного плода, трудно вернуться к пережевыванию копры ствола его носителя. Думаю, Леха пришелся Унке по душе, став для нее лучом света в темном царстве. Сговор я не допускаю. Это мы, русские, ассимилированные за века противоборств и недальновидных политик, можем прогибаться под чужим влиянием. Африканские племена строго чтит установки предков. Состязание выбиралось вождем, и исполнение оставалось фактом обязательным. Допускаю легкую подтасовку выбора вида испытания в пользу достоинств и преимуществ Лехи. Хочется верить в супермена-Леху с копьем наперевес. Сухой, искрометный, временами задумчивый, головастый Леха накачал мышцы? Не буду гадать над победой, вероятно, вождь избрал нечто интеллектуальное, близкое ему. Победа Лехи обязана была быть очевидной без сомнения. Десять лет победивший Леха жил с Ункой на отдаленных границах племени. В выделенные ему владения он внес блага цивилизации. Унка продолжала одеваться с европейским акцентом. Арендванные суда добывали продукцию океана, дающую солидный доход. Позже Леха стал сам вождем влиятельного племени. Не будь Леха Лехой, если бы слепо остался пожинать плоды своего бытового творчества. О возможных деталях дневник сведений не донес. Представляю его отпрысков – ушастых, головастых, черненьких Лех – настоящего не брал загар.

До невероятности белокожий, он привлек внимание Владимира среди соплеменников. Этим, да славянским происхождением он заслужил у него рубрику «Сомалийский индивид».

20 декабря. В пределах видимости о. Лемба на траверзе мыса Танга.

В Сомали, куда следует судно, локальные вспышки междоусобных клановых конфликтов. По рекомендации управляющей компании, имея грузополучателя в п. Момбаса, приняли курс, отклонившись от судоходных маршрутов на 50 миль мористее. На борту по документам запасные части к машинам сельхозназначения. Учитывая отклонение, приход в порт назначения к 10–00 местного времени. На удалении 12 часов хода, минуя мелкие осколки Сейшельской гряды, слева по курсу появились два быстроходных катера без знаков опознавания. Двигаясь со скоростью 18 узлов параллельным курсом, катера имели преимущество в скорости и маневре на порядок. Один из катеров резко пошел на сближение до нескольких ярдов. Предупрежденный о возможных в этих широтах пиратов, прибавил ход до 20 узлов – по рубке прошла очередь крупнокалиберного пулемета. Осколками стекла травмировало глаз вахтенному рулевому матросу. С другого катера ударил миномет – фонтан взрыва пришелся прямо по курсу в полукабельтове, следом ударил зажигательными пулемет. Пули с шипением прожгли металл рубки, загорелась краска. Начался пожар. Помещение рубки наполнилось едким дымом. Подручными средствами пожаротушения огонь с трудом погасили. Запросил руководство компании. Рекомендовано двигаться с использованием маневрирования. В ответ на выполнение устрашающего маневра в борт ударила мина. Во избежание жертв и нанесения ущерба мореходным качествам судна отдал команду сбросить ход. На борт по стремянкам поднялись десять чернокожих боевиков: у двоих наперевес станковые пулеметы, у остальных – «калаши» и арсенал ручных гранат на поясе. Весь экипаж – всего двадцать пять человек, кроме меня и радиста, задраили в шкиперской. На диком английском мне объяснили: мы заложники. Предложили связаться с руководством. В обмен на жизнь и свободу потребовали выкуп за судно полмиллиона долларов США. При затяжке переговоров пригрозили затоплением. При первом отказе подчиниться разорвали рубашку, при втором – ударили рукояткой ножа в затылок. Берег молчал, приближались сумерки. С выключенными ходовыми огнями дрейфовали в открытый океан...

Читая сухие факты событий, лицо мое горело – я находился там, вместе с ними.

...Среди ночи растолкали. Показали точку на карте, куда нужно стать на якорь. Четверых выпустили: механика с мотористом, боцмана и рулевого матроса. С горечью вспомнил прошлое время, когда ходили одной спаянной командой. Мораль изменилась – никто не хотел стать героем посмертно. Прошли часы безрезультатных переговоров. Меня ежечасно заставляли выходить на связь для переговоров. Компания платить не спешила. Пришла ночь. Точка стоянки постоянно менялась. Я падал с ног, ушибленная голова раскалывалась. На диванчике в «штурманской» разрешили прикорнуть. Провалился ненадолго. Проснулся оттого, что кто-то тронул плечо.

– Наш, русский – ошибаюсь?!

От неожиданности вскочил. В изголовье, в компании трех черных, вооруженных до зубов боевиков, стоял улыбающийся худощавый белый мужик в камуфляжной рубашке и брюках под Фиделя, с жидкой миссионерской бороденкой, совсем не боевого вида.

– Ваши угнетатели связанные внизу сидят. Капитанишь с малайцами? Эти жидкие – не вояки. Поднимай, товарищ, экипаж и в путь-дорожку. Моя гвардия с вами до Момбасы.

От неожиданности продрала нервическая дрожь. С заиканием спросил:

– Кому обязан нашим спасением?

– Раньше Лехой звали, Лехой Кузей. Ладно, «полный вперед», поговорим на месте – заждались нас в порту...

Нежданова – не обмани!

Этот день с утра не предвещал ничего романтического, более того – он, как много-много последних дней, слился в неумолимую безжалостную календарную поступь. Для сравнения представьте неинтересный фильм в переполненном транзитном зале вокзала или больничную палату в ожидании заключительного «приговора» – все же не крайность, но, согласитесь, некоторая унылость.

Ожидание счастья – абсурд. В тайниках памяти, в клетках ее, оно, конечно, присутствует, но всегда приходит внезапно, когда его совсем не ждешь. Стоит отправить острый, ранней свежести материал подальше с глаз в «корзину», как текущий, своей высосанной блеклостью, манит в прошлое. От случайной встречи с дорогим школьным другом неуправляемо воспаляется сердце, так же и нежданное счастье будит в вас под грудой житейского пепла неизбежную искру желаний.

...Она появилась из ничего – из воздуха, из звука, из чужого присутствия. Вот так, вдруг, отгорела утренней звездой и растаяла в свете яркого дня, чтобы оставить в памяти сладкую свежесть рассвета.

Взгляд неглубокий, украдкой, больших содержательных глаз – вскользь. Нет, лучше один такой, чем тысячи других вгрызающихся в душу и не оставляющий даже в сумме одного короткого желанного солнечного блика в зарешеченное окошко твоего подвала.

Она пропала – так же внезапно, как появилась, оставив хроническую тоску. И, если бы не запасная дежурная возможность «отыскать», трудно представить себе повседневный, ведущий в никуда обиход. Поразмыслив о возможном смехотворном провале сиюминутная решимость сменилась тихим желанием «повторить»: еще только один взгляд, один тревожный перестук в груди – и где-то в вибрирующих фибрах сомнение. Пусть даже самообман, но такой – он один стоит больше прошлых, всех вместе взятых находок.

Акула-время глотала без разбора черное и красное, текущая шелуха копилась новой грудой. Последнее время отчетливее обозначилась новая популяция (ты не исключение) – маньяков труда, они сродни «пограничникам». В лечении душевных расстройств существует методика воздействия на психику свето-памятью: световой блик – речевой посыл, блик – посыл. Так много раз, пока раздражитель не включит нужный рефлекс. Может быть, нашу бесконечную, пустую порой суету, нужно лечить не этой механической зависимостью, а тем, от чего обретается какой-то смысл? Где нет разочарований и оступевший взор в ночи не прожигает потолок?

Бросил все, включив запасную дежурную возможность. В итоге: номер телефона и мегаполис, где смог бы заблудиться Годзилла, и еще имя – вот и все.

«Позвонить, представиться, к примеру:

Я Вася, ваш взгляд запал мне в душу, спасите, вытащите из рутины безысходности, я ваш не робкий герой!»

Какова была бы ваша реакция на подобное обращение?..

«Как проделать деликатней, чтобы не вспугнуть, при этом узнать хотя бы квадрат в людском море, где обитаешь ты, прекрасная незнакомка?»

Мелькали мысли, мелькали пестрые километровые отметки – стучали дождем в лобовое стекло. Туда, вперед, ближе к ней. За длинную дорогу созреет много решений, а выбрать придется одно – неоспоримое. Очертя голову вперед, ближе – там убедительней боль.

Вот окраина – пограничный мост, грязь, вечер и уже темнота.

– Аллю, вы не знаете Любы? Ах, это вы?! И фамилия Нежданова? Очень много совпадений. Неужели и район Прилепский?!

«Лишь бы не насторожилась, не бросила трубку – приняла игру».

– Аллю.

«Больше правдивости. Где вы, где вы, убедительные слова? Угомонись ты, сердце. Авантюра – пусть любое, лишь бы не вспугнуть».

– Алло, вы меня слышите? Спешите? Не отключайтесь. Я завис на краю пропасти... авария, в машине. Вы больше, чем МЧС. Теперь я выберусь сам, но хочу за спасение отблагодарить лично. Сегодня! Не поздно! Я на расстоянии крикну «спасибо» и все. И пусть дальше будет обратная гонка в ночи. Гонка, чтобы обогнуть земной шар. Я примчусь еще раз отблагодарить и, может быть, под...жать ручку. Любые условия...

...Прошло время. Снова мелькали километровые отметки – в такт им и в содержание, частокол мыслей.

Просыпался новый день – за холмами занималась заря.

Остановился в скоплении однотипных безликих домов. Беспечное солнце катилось по небосклону на свое штатное место.

«Фу-у, отдышаться. Алло, обогнул земной шар, хочу поблагодарить за помощь.

Но как?

На детской площадке с ребенком?!»

Повел глазами – детская площадка: мамоч...ка с телефоном у уха. Плечо эксцентрично удерживает его. Она!.. Большие глаза. Взгляд, взбаламутивший прозрачное озерцо надежды, сосредоточен мимо. Ребенок канючит. Молодой мужик с руками вразброс на лавке рядом.

– Вам кушать кашку? А мне дальше хлебать наваристую тоску...

Не было печальней дороги, чем эта – назад. Мелькали километровые отметки – остановились жернова мыслей.

И снова конвейер – отупляющий труд слился с календарной поступью в одной змеиной вакханалии. Ощущения возможного застыли в памяти отупляющим тавром, вместе с телефонным номером и именем в заглавном шрифте «ОНА».

«Пусть остается... но лучше – «ЛЮБОВЬ», как памятка сентиментальной оплошности».

И снова один. Выкатился на взгорok – дальше выброшенный из обихода серпантин. Еще выше – ревет мотор, еще чуть-чуть – стоп... Внизу город – под ногами скалистая зыбь – напоминанием о неродившемся прошлом.

«Кругом следы пагубного вмешательства. Как долго свистеть ветру в разорванном зеве брошенных покрышек, а дождю отмывать технологическую поступь «творцов»?»

По сыпучему откосу на несколько шагов – выше: у импровизированного под сиденье валуна хрустнул под подошвой шприц – почерневшее содержимое излилось застаревшей раной земли. Выше – здесь пока чисто».

Расстопортив жесткие ершинки, встал колючей стеной шалфей, промеж доисторических булыг затерялась нежная мумия материнки, неприступный астрагал всклокоченным ежом оттеснил вездесущий чабрец. Это отсюда «кто-то под кем-то».

«...Подсмотрел я ребяческим оком:

Лижут в очередь кобели истекающую суку соком...».

«Сережа, ты больше чем гений!»

А выше? Там еще меньше жизни – там доисторические пласты скал с вкраплением сухой шелестухи. Еще выше – удел пустыни – подобие площадки обзора. Осторожный стервятник облюбовал здесь стартовую площадку для атаки, в сытом ожидании выстроив окаменевшую пирамиду помета. Пара пичуг деловито ввинтилась в расщелину.

Далеко внизу одиноко белеющее пятно машины в окружении полной безнадёги.

«А воздух здесь чище...! Но эти жалкие крохи не мне. А мне – вниз... в обыденность, в грязь, в одиночество...».

Проснувшийся в кармане «вибро» кинул испарину: светилось заветное окошечко – «ЛЮБОВЬ».

- Алло, вы не забыли: земля круглая?!.. Это Люба... А хозяйский малыш сегодня с родителями, и у меня свободный выходной...
- ...И снова мчались мысли быстрее километровых отметок.
- Любовь нежданная, не обмани! Я на краю пропасти и, кажется, лечу...

Яма

Яркий свет сцены медленно переходил в приглушённый – создавался интим, близкий ему по внутреннему созвучию. В полумраке накачивало расслабление – все работали, а он отдыхал. Даже «пиано» звучание его инструмента в это время могло нарушить глубокое просачивание музыкальной темы в души тонких ценителей. Он не числился в авторах произведения, но на репетициях предвосхищал дирижера пониманием абсурдности своего звучания. В ответ получал его, едва приметный, дружеский одобрительный кивок. С годами осмысленная им светорежиссура стала дополнением к основной партии. Не понимая связи, он все же держал главный ориентир не на ноты – больше на свет. Заглавным оставалось именно оно – это чутье, и оно пока не подводило его.

– При чем здесь класс? – взрывался он при реплике в свой адрес напрямую, – чистый профессионализм хорош для слепого воспроизведения нотной азбуки.

И при обкатке новой темы мелкие конфликты происходили, но не с Главным – с его помощником, тот был шагистом и буквоедом – с ним он принимал удобное состояние «рыбьих глаз» как самое оптимальное.

Реостат включался сразу с последним аккордом полного состава. Начиналась игра света. Его физиология вникала в суть авторского решения, однако с годами профессионализм, который он пытался назвать другим именем, и пока остановился на «матерости», выросла до степеней ритмического ощущения. Происходящее на сцене воспринималось с ним через воздействие света и тени. Он рассеянным взглядом наблюдал за тенью рук дирижера, призывающего к определенному ритму или новым действиям, а в сути своей витал в холостяцких заботах:

«Что, черт-побери, сообразить на обед сегодня: «тата?» – делила палочка дирижера ритм резаного ключа в одном такте, в следующем – о предстоящей ручной стирке. Несвежесть рубашечки назавтра не скроешь дезодорантом: «там-там!»...

Он не числился в красавцах – ему не строили глазки женские обитатели закулисья, но, разглядывая свой фас в зеркале, он не находил прямого оправдания их невнимания. Рост – метр семьдесят шесть, слегка выющиеся русые волосы, развернутые плечи – ничего лишнего в весе. Все бы ничего, но в сочетании природа в чем-то подкачала? Тоска в глазах на корпоративчиках – не это ли главный тормоз? Здесь бы раскрыться его бурной, богатой фантазиями сути, здесь бы взять в «заложницы» одну из свободных женщин.

– Пока не перемнешь в неглиже их изворотливую душонку, не откроешь на их теле нужную точку опоры, пока не нагуляешься до самых «не могу» – не сможешь стать степенным праведным семьянином, – цинично резал в паузах по живому женский угодник валторнист Степик.

Взрослый 40-летний мальчик – он в лице оставался наивным неумелым ребенком. К инструменту это не имело никакого отношения: музыкантом Степик был виртуозным. После двух-трех прочтений партитуры – он шпарил ее наизусть. Неумелость его сквозила во взгляде, в неустроенности быта – его всем хотелось взять на поруки, и эти поруки заканчивались определенными связями. Через какое-то непродолжительное время женщины от него сбегали, но всякая предыдущая не могла сказать о нем что-либо плохого последующей. В оркестре со Степиком он сидел бок о бок – в жизни они основательно не дружили, но в паузах его свистящие откровения без поворота головы, с присущим Степику искривлением в его сторону рта, были вполне достаточны для определения той неприязненной сути, что отваживала от него женщин – он становился «кухонной» говоруньей. За годы отирания жестких стульев концертных ям в голове вызрело определение сути: Степик – зануда и баба.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.